

дом. У А.М.Ремизова в «Крестовых сестрах» подобный тип назван «бесстыжими», у А.П.Чехова - «попрыгуньи». В сатирическом рассказе Мих.Зощенко «Бедная Лиза» представительницы этого рода изображены в несколько гротесковой форме. В какой-то степени истоки этого женского стереотипа исходят из известной всем басни И.А.Крылова «Стрекоза и муравей». Кто не помнит «попрыгунью-стрекозу», которая «лето красное пропела»? Героиня рассказа Чехова, Ольга Ивановна, «пропела» и «прозевала» благородного, талантливого, редкого человека, своего мужа, Осипа Степановича Дымова. Эта легкомысленная и эгоистичная женщина пыталась лишь жить по принципу: «большое видится на расстоянии», ориентир, который, как показывает жизнь, нередко не срабатывает и порой приводит к трагическим последствиям.

Очерк четвертый

Женские лики
в аспекте языка

Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, оказывают влияние на поведение, в том числе речевое, на процессы языковой социализации личности. Гендерный фактор, учитывающий природный пол человека и его социальную включённость, является одной из существенных характеристик личности. Исследования мужской и женской коммуникаций показывают, что речевое поведение в зависимости от биологического пола имеет свои особенности. Лингвистические исследования свидетельствуют о том, что женщины используют несколько иную лексику, нежели мужчины, в частности, реже употребляют ненормативную лексику, двусмысленные обороты речи, однако чаще, нередко без нужды, в их речи звучат иностранные слова. Женщинам свойственны более престижные варианты произношения. Развитие социолингвистики позволяет сделать более точные выводы о функционировании языка в группах людей, объединённых по признакам профессии, пола, возраста, городского или сельского образа жизни. В российском языкознании гендерные исследования находятся в стадии формирования.

Следует отметить, что вся культура, в рамках которой развивалась философская мысль, была однообразно патриархальной, все «стандартные философии» писались и пишутся, как правило, с «мужской перспективой».

Всматриваясь в «женские лики» России, на наш взгляд, небезынтересно обнаружить женское в русском дискурсе. Это наименее исследованный аспект как в западном, так и в отечественном

научении. Под дискурсом мы понимаем ЯЗЫКОВОЕ воплощение и развитие различных теорий и практик, интерпретацию реальности посредством речевых высказываний.

Впервые фактор биологического пола при осмыслении категории грамматического рода в языке возник в античности. Древнейшей и долгое время единственной гипотезой причин появления и функционирования в языке категории рода стала символическая, которая базировалась на соотношении природной биологической сути с грамматической категорией рода. Её сторонники считали, что грамматический род возник под влиянием природной данности - наличия людей разного пола. XVII век можно соотнести с открытием «экзотических» первобытных языков, в которых имело место разделение на мужской и женский варианты. Любопытно то, что общим для всех немногочисленных описаний был вывод о том, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский - как отклонение от него. Не вдаваясь в дискуссию по поводу этого умозаключения, мы сделали попытку осмыслить ряд номинаций женского рода с точки зрения гендерной соотнесённости.

Если обратить внимание на лексико-морфологические особенности воплощения разнообразных явлений бытия, то можно обнаружить, что формальные категории понятий женского рода, такие, как «ЖИЗНЬ», «ПРИРОДА», «РОДИНА», «СЛАВА», «СИЛА», «ВЛАСТЬ», «ЛЮБОВЬ», «СУДЬБА», «ИСТИНА», «ВРАЖДА», «ВОЙНА», «КУЛЬТУРА», «НАУКА», «ДОРОГА», «КРАСОТА», «МОСКВА» и многие-многие другие, как известно, не всегда включают в себя женское начало, а несут глубинный философский смысл.

Поскольку предметом нашего рассмотрения стали женские лики России, мы обратились к толковым словарям русского языка и проанализировали глубинный смысл только тех слов, которые классифицированы в русском языке как существительные женского рода (в других языках они могут иметь другой род или не иметь его вообще; мы в связи с поставленной конкретной задачей абстрагировались от происхождения этих слов). Естественно, наши наблюдения не претендуют на безоговорочность суждений и, конечно же, их следует воспринимать субъективными, во многом подсказанными женской интуицией и женской логикой. Этот очерк, впрочем, как и другие, всего лишь размышления по поводу...

В этом очерке - размышления по поводу слова-знака и заключённого в нём понятийного наполнения.

Прежде чем приступить к конкретному рассмотрению некоторых слов, функционирующих в русской речи, хотелось бы процитировать несколько строк из небольшого стихотворения И. Северянина:

*Строй мирозданья одинаков,
Почти разгадан, скуп и плоек.
Но есть значение без знаков,
Есть знак, расплывчатый, как воск.*

Просмотрев Малый академический словарь русского языка (МАС), можно прийти к выводу, что большинство существительных русского языка относятся к женскому роду. Случайно ли это? Думается, что нет. Ведь прародительницей всего сущего на земле является именно женщина, как бы ни старались утверждать обратное некоторые активные сторонники патриархата. Если обратиться к легендам и мифам Древней Греции (маленький уголок земного шара в бассейне Средиземноморья, оказавший влияние на культуру многих регионов, на нашу в том числе), то можно убедиться, что одной из первых среди безграничного мира Хаоса появилась ЗЕМЛЯ - Гея. «Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живёт и растёт на ней», — говорится в известной и любимой многими книге Н.А. Куна.

Русская ЗЕМЛЯ в книжной традиции с древнейших времён представлена как живое существо, способное испытывать человеческие чувства и являться действующим субъектом. Средневековыми авторами она представлена чаще всего в женском облике и, как правило, материнском. Она даёт жизнь, вскармливает, заботится, заступается. Наделенная животворящей силой, земля, как мать, заботлива и особенно отзывчива к трудолюбивому и радивому человеку, благодаря его своими несметными богатствами и плодоносящими дарами. Уходя на чужбину, брали с собой горсть земли, чтобы не тосковать по Родине-матери. ЖАЛОСТЬ - еще одно женское качество, которое непосредственно связано с ЗЕМЛЁЙ-МАТУШКОЙ. Плачи, представленные на страницах русских средневековых памятников литературы, выразительно

показывают, как по-матерински земля скорбит по своим сыновьям, погибшим воинам ЗЕМЛИ русской. Древнерусский автор «Повести о Меркурии Смоленском», создавая образ великой скорби, описывает «рыдания повсюду и плач всегласен»: «общая наша мати восплакалася, жерелом великим стоящи, манием глаголящи: сынове, сынове Рустии!». Формула «Мать-Земля» широко известна у славян. Это не только образное словосочетание, а выражение сущности народного взгляда на землю, в котором отразилось отношение к земле как женскому началу, рождающему и плодоносящему. В ЗЕМЛЕ соединились основная рождающая сила и надёжное убежище умерших.

Сама ЗЕМЛЯ выступала своеобразным посредником между поколениями людей. Отсюда - культ матери-земли, необходимость любовного, бережного и уважительного к ней отношения. Широко известно обращение к ней при клятвах, желание сохранить и береечь при расставаниях с родиной. Весной мифическая Земля вступает в брачный союз с Небом. После первого весеннего грома оплодотворённая дождём Земля вновь обретает способность рожать и называется «мать-сыра земля» и бывает «тяжела» до тех пор, пока не заколосится рожь. Уважительное отношение к земле выразилось в «земных поклонах» или в замещающих их ударах шапкой оземь.

ЖИЗНЬ - номинация сугубо женского содержания. Не случайно имя первой женщины на земле - Ева, что означает жизнь. П.Н. Евдокимов, русский христианский писатель, богослов, долгое время живший во Франции, в своей недавно вышедшей в России книге «Женщина и спасение мира» пишет: «“Ева” в точном значении слова означает "жизнь", но тот, кто с пророческой прозорливостью дал это имя, имел в виду нечто большее, чем "печать обещанной благодати", больше, чем предвидение того, что из этого рода произойдёт "царица в Офирском золоте". Биологическое соответствие жизни вида отражает духовное соответствие вечной жизни. Второй Евой III Вселенский собор провозгласил Богородицу. Та, Которая рождает Предвечного Бога, Которая даёт жизнь Живущему в человеческом, Сама обретает бессмертие. В этом великом смысле Ева была названа ЖИЗНЬЮ».

Немецкий философ Фридрих Ницше писал: «Я хочу сказать, что мир преисполнен прекрасных вещей, но, несмотря на это, беден, очень беден прекрасными мгновениями и откровениями этих вещей. Но, может статься, это-то и есть сильнейшее очарование жизни: на ней лежит златотканый покров прекрасных возможностей, обещая, сопротивляясь, стыдливо, насмешливо, сострадательно, соблазнительно. Да, ЖИЗНЬ - это женщина!». То есть жизнь - это постоянное движение, устремлённость в будущее, с ней, как и с женщиной, несоединимо представление о неизменности. Жизнь есть постоянная незавершённость, незаданность, необусловленность.

Понятие «ЖИЗНЬ», как правило, ассоциативно вызывает номинацию «СУДЬБА», что, несомненно, несёт только женские ипостаси. Малый академический словарь даёт такую дефиницию слову:

СУДЬБА - 1. Складывающиеся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям - сила, предопределяющая всё, что происходит в жизни).

Содержание словарной дефиниции, а именно уточняющие семы: НЕЗАВИСИМО ОТ ВОЛИ, СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, связано с определениями, которые чаще всего атрибутируют женщине (мужское начало олицетворяет порядок, а женское - стихию, неупорядоченность, текучесть, бесформенность, непредсказуемость). Морфемный анализ уточняющей семы тоже даёт основание говорить о содержащемся в корневой части понятии, далёком от жёсткой устойчивости, четкой определённости.

ПРИРОДА не может существовать без магушки-ЗЕМЛИ. Это понятие, несомненно, несёт плодотворящее, рождающее женское начало. ЗЕМЛЮ исстари наделяли женским обликом, самым святым, что было у язычников. Не случайно одно из древних почитаемых славянских божеств носит имя роженицы, что связано с «давним и повсеместным уподоблением женщины, рождающей нового человека, земле, рождающей урожай нового хлеба». Разделяет точку зрения на ПРИРОДУ как женское начало и Павел Евдокимов, который отмечает: «Если мужчина распространяется в мире посредством инструмента, женщина делает это, отдавая себя. В самом своём существе она связана с ритмом природы, настроена на порядок, который управляет вселенной. Именно благодаря

этой самоотдаче каждая женщина потенциально является матерью и носит в глубине своей души сокровище мира». Понимание ПРИРОДЫ - это проекция женского антропологического начала на весь мир.

Понятие «ПРИРОДА» как антитеза КУЛЬТУРЕ содержит в своём значении исключительно женские начала, о чём свидетельствуют высказывания многих мыслителей, как отечественных, так и зарубежных. По мнению Фейербаха, «ПРИРОДА» и «ПОДРУГА» - понятия одноуровневые, находящиеся в тесной взаимосвязи. «Для философа, по крайней мере, как я его понимаю, природа - его подруга; ему следовало бы знать её не только из книг, но лицом к лицу. Уже давно я стремился к личному знакомству с природой. Как я счастлив, что могу, наконец, удовлетворить эту потребность». В частности, русский мыслитель С. Булгаков ПРИРОДУ однозначно воспринимает женственной, поскольку она покорна человеку как носителю мужского начала. По мнению большинства мыслителей, природа символизирует женщину как неоформленную материю (Соловьев, Бердяев, Мережковский, Бахтин). Булгаков в работе «Философия хозяйства» отмечает: «Природа есть пассивное, рецептивное женственное начало, человек - активное, мужественное, сознательное. Таким образом, природа, с господствующим в ней слепым интеллектом или инстинктом, только в человеке осознает себя, становится зрячею». М.М. Бахтин в своём исследовании «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» развивает мысль о том, что стихийной, не очерченной какими бы то ни было рамками природе противостоит культура, которая проникнута мерой и смыслом. Если КУЛЬТУРА творит нормы, упорядочивает, то ПРИРОДА нарушает порядок. Женщина в народно-смеховой культуре символизирует неупорядоченность, стихию, а потому - обновление.

КУЛЬТУРА противостоит ПРИРОДЕ, стихийной, хаотичной, безмерной. КУЛЬТУРЕ свойственны мера, порядок, логика, смысл, все то, что характеризует мужское начало.

Такое понятие как «ВОДА», связанное с природными явлениями, тоже несёт женское начало, тихое, охраняющее покой и жизнь младенца; в воде всё рождается и получает жизненные соки. Не случайно древние языческие божества берегини-русалки тесно связаны с водой, постоянно заботятся о дожде. Слово «берегиня»,

как отмечает Б.А.Рыбаков, связано с «двумя различными понятиями: берегом водного пространства и глаголом оберегать». Учёный соотносил своё умозаключение с «весьма отдалённым временем, когда человек впервые учился плавать по бурным полноводным рекам», и мысль о «твёрдой надёжной земле», надёжном берегу, о-берег-ающем его от напастей и невзгод, была очень актуальной. По его мнению, «связь берегинь с дождём является, очевидно, позднейшим земледельческим переосмыслением». С подобным утверждением нельзя не согласиться. В славянской древности существовала богиня воды Девона, известная на Руси по разным литературным источникам. Богиня-Мать как главное женское божество во многих мифологиях мира тесно связана с влагой и водой. Вода - это исходное состояние всего сущего, она соответствует первобытному хаосу и началу мира. Вода представлялась в различных мифологиях в качестве первоначальной субстанции. Из морской пены рождается Афродита (в греческой мифологии), с водой и колодцами связывается славянская Мокошь. На колодцах делались и изображения Параскевы Пятницы (поздний аналог Мокоши).

Концепт «ЛЮБОВЬ» содержит в основе своей чисто женское начало, в качестве истока несёт чувственность (что, как было отмечено нами ранее, являет одну из основных женских ипостасей), но не исчерпывается ею. Древние греки различали разные виды любви. Выделяли, например, любовь-страсть, которая отождествляется с безрассудством. Любовь могла быть и безумной, она предполагала отчужденность, отрешённость от разума (разум, как известно, атрибутируется с мужскими началами). Отмечалась любовь-влечение, не несущее роковых последствий. Называли и любовь-Эрот, обожествлённый эрос. Христианство по-своему истолковывало понятие «ЛЮБОВЬ». Она уже понималась не только как человеческая страсть, но и как «державная основа человеческого бытия». Появилось понятие братской любви, то есть любви ко всем людям (согласно «Ветхому Завету» объектом человеческой любви является и друг, и недруг, и кровный враг).

Немецко-американский психолог и социолог Эрих Фромм, давая достаточно обстоятельную и подробную типологию любви, выделяет также материнскую любовь. Если братская любовь -

это любовь равных, то материнская - это любовь к беспомощному, то есть основанная на отношениях неравенства, «при которых один нуждается в помощи, а другой её оказывает». Самая исключительная - это эротическая любовь, суть которой в страстном желании полного слияния, соединения влюблённых. Существует ещё один тип любви - это любовь к себе, однако это не одно и то же, что себялюбие и эгоизм в привычном понимании этих слов. К «себе любимому» следует относиться с не меньшей симпатией и уважением, чем к кому-то другому, всё зависит от степени этой симпатии, чтобы не превратиться в себялюбца. В советской литературе, как известно, обнаруживаются однотипность и одноликость любви (подчиненность любви классовым принципам, любовь как совместное счастье в труде, приоритет общественных интересов над личными), забвение литературой социалистического реализма традиций русской классики, запечатлевшей разнообразные «лики любви». В творчестве ярчайшего классика отечественной литературы А.С.Пушкина, в его «моральном строе», любовь занимает «первенствующее место», так как «сердце горит и любит оттого, что не любить оно не может». Однако, по высказыванию Ю.Айхенвальда, автора книги «Силуэты русских писателей», написанной в пору серебряного века, но появившейся перед читателями лишь спустя семьдесят лет, любовь Пушкина - «без сентиментальности, стройно соединённая с его изумительной духовной свободой и той непринуждённостью юмора и поэтического легкомыслия, которое составляет колорит и тон многих его произведений».

Любовь-долготерпение и самоотвержение - эта изначальная вечная женственность стала своеобразным кодексом отечественной классической литературы. В русской классической литературе тоже можно обнаружить разные варианты любви: это и любовь-жалость (Катерина Кабанова - Тихон), любовь-самозабвение (Вера - Печорин), любовь-безумная страсть (Рогожин - Настасья Филипповна) и прочие. Продолжение классических традиций в раскрытии «ликов любви» достаточно очевидно в творчестве И.Бунина. «Тёмные аллеи» - своеобразная энциклопедия любви. Разнообразны оценки и причудливы разновидности любви в его произведениях: животная любовь-фикция («Гость»); продажная «любовь» проститутки («Барышня Клара»); любовь-вражда («Па-

роход «Саратов»: сочетание плотского влечения друг к другу с соперничеством характеров и взаимной душевной неприязнью); любовь-жалость, неотделимая от нежности и сострадания («Таня»); одновременное смешение двух разновидностей любви и их переплетение в сложном единстве («Натали»: возвышенно-мучительное чувство обожания, чуждое плотскому влечению, и «телесное упоение» Соней. Различны и любовные сюжеты: краткая история соблазнения «барин» «простой девушки» («Гость», «Таня»); «незабываемое свидание в холодный осенний вечер, вечная разлука и память о любимом на всю жизнь («Холодная осень»); история любовного томления, воспоминаний, кратких встреч по воле судьбы, достижение желаемого счастья и трагический финал («Натали»); романтическая любовь на лоне природы («Руся») и др. Но в то же время при всём богатстве вариаций легко обнаружить наличие общего «стержня», единого «лика» любви: ОН и ОНА, внезапность любовного озарения, страстность и кратковременность любви, трагический исход.

«Что такое любовь? Единство мышления и бытия. Бытие - это женщина. Мышление - это мужчина». Это высказывание, принадлежащее кому-то из древних, говорит о том, что лишь в соединении мужского и женского начал может состояться то, что называется ЛЮБОВЬЮ в привычном понимании этого слова.

ЛЮБОВЬ, как правило, соседствует с ТАЙНОЙ. В понятие «ТАЙНА» тоже включаются женские начала. ЗАГАДКА, ТАЙНА - это знаки одного порядка. Устоявшийся образ мировой культуры - образ «загадочной женственности», ассоциируется, как нам думается, у многих с древнейшим символом «непостижимой женской сущности», с обликом Сфинкса, существом с лицом женщины, телом льва и крыльями птицы. «Тайна = женское», - однозначно говорит Георгий Гачев в своей книге «Русский эрос», развивая эту мысль в написанной им книге, достаточно своеобразной по форме изложения и непривычной для неискущённого отечественного читателя в подобных научно-публицистических экспериментах, хотя, следует отметить, жанр, который избирает автор, тоже нетрадиционен: «Роман». Мысли с Жизнью. В целом эта мысль по отношению к женщине не нова. Она проходит через всю историю представлений о женщине. В работе «О достоинстве женщины» Вяч. Иванов называл женщину «бессознательной храни-

тельницей какой-то сверхличной природной тайны». «...Женщина казалась древности и представляется мужской впечатлительности донныне существом таинственным и неисследимым до его последних глубин», - писал он. Другой русский философ серебряного века Н. Бердяев говорил о том, что «у женщин есть необыкновенная способность порождать иллюзии, быть не такими, каковы они на самом деле». Подобные умозаключения можно найти у многих как отечественных, так и зарубежных мыслителей.

*Я люблю тебя так, как ночной небосвод...
Мой рассудок тебя никогда не поймёт,
О, печали сосуд, о, загадка немая!
Я люблю тем сильнее, что, как дым ускользая
И дразня меня странной своей немотой,
Разверзаешь ты пропасть меж небом и мной.*

Эти строчки, принадлежащие французскому поэту XIX века Шарлю Бодлеру, тоже свидетельствуют о тайной и загадочной женской сути.

В понятие «СВОБОДА», как нам кажется, тоже включены женские атрибуты. Ведь именно женщина, живя некогда с мужчиной в благодатных садах Эдема в полной гармонии друг с другом и природой, не утруждая себя работой и заботой о хлебе насущном, нарушила запрет, связанный с вкушением плода с райского древа. Тем самым получила СВОБОДУ, не имея ее, так как не была озабочена выбором в определении вида своей деятельности, живя в полной беззаботности. Нарушив установленный Богом порядок, человек благодаря женщине освободился от принуждения, ничего не выбирая, всё принимая как данность. Греховный, с точки зрения церкви, поступок стал началом выбора, началом СВОБОДЫ, началом познания. Однако с получением свободы человечество было подвержено таким жестоким испытаниям, как страх, ужас. История даёт множество примеров, когда человек за свободу, не задумываясь, отдавал самую высокую плату, какой бы ценой она не доставалась. Французский экзистенциалист Сартр считает, что человек осознаёт свою свободу в тревоге (кстати, слово «тревога», с нашей точки зрения, тоже имеет женскую ориентацию).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, как нам представляется, тоже женская категория. По мнению Ф.М.Достоевского, «высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её».

Нам кажется совершенно очевидным, что номинация «КРАСОТА» несёт женское начало. По словам З.Фрейда, природа «определила судьбу женщины, дав ей красоту, обаяние и доброту». Ведь не случайно оценка женщины во все времена и у всех народов давалась в первую очередь с точки зрения ее красоты, внешней привлекательности. «Красна девица» в русском фольклоре в первую очередь ассоциировалась с внешними данными. «Я ль на свете всех милее, всех прекрасней и белее?» – вопрос, который задаёт себе, наверное, не только героиня пушкинской сказки. Нам известно, к каким печальным последствиям привела весть о том, что кто-то другой и краше, и милей. Вряд ли какая женщина обходилась без такого необходимого атрибута, как зеркальце самой затейливой и замысловатой формы, которое изготавливалось искусными мастерами. Каждая из женщин вела незримый диалог с этим неодушевлённо-одушевлённым предметом, пытаясь найти в себе и зримо обозначить то красивое, чего, к сожалению, не всегда замечают другие, и боясь неожиданно обнаружить то, что хотелось бы скрыть от других и даже от себя. Истории известны факты, когда дочери знатных фамилий, имевшие какой-либо существенный изъян во внешности, уходили из мирской жизни, становясь Божьими послушницами. Красота женщины и любовь к женщине нередко идут в тесной взаимосвязи. Сколько драматических и трагических страниц из жизни женщины знает история, когда это взаимодействие нарушалось! Как известно из древнегреческой мифологии, именно из-за неразделённой КРАСОТЫ разыгралась десятилетняя Троянская война. Поводом явилось похищение сыном троянского царя прекрасной Елены (имя в переводе с греческого – красивая). О женской красоте, критериях красоты в разные периоды исторического развития достаточно подробно пишет д-р Плосс. В одной из книг своего трёхтомного издания под названием: «Женщина», в главе «Женская красота», немецкий учёный пишет: «В одном отношении женщина, по общепризнанному мнению, которое оспаривается только немногими (Schopenhauerom и др.), превосходит мужчину, именно в красоте наружных форм тела». Как известно, ярый

женоненавистник, немецкий философ Артур Шопенгауэр, отказывал женщине даже в красоте. В этой же главе «Женская красота» немецкий учёный доктор Плосс изложил взгляды различных народов на красоту женщины. Его рассуждения не только относительно естественной красоты женщины у «культурных» и «некультурных» (термины Плосса) наций, но и относительно многочисленных способов «достижения красоты», для современного читателя порой достаточно шокирующие. Д-р Г.Плосс даёт подробную информацию о способах приближения к идеалу красоты представительницам разных рас: татуировка различных частей тела, прокалывание и деформирование мягких частей тела (ушей, губ, носа и пр.), искусственное изменение формы ног и, что, казалось бы, совершенно невыносимо, формы черепа. Сам же автор, предавая исчерпывающие сведения о красоте женщины, пишет: «Основным условием для красоты женщины всегда остаётся здоровый и нормальный вид. Тело должно быть так устроено во всех своих частях, чтобы оно могло удовлетворять всем функциям своего пола». Трудно не согласиться с подобным утверждением, хотя многим современным представительницам прекрасного пола вряд ли покажется вполне исчерпывающим этот скромный набор качеств, определяющих её внешнюю красоту.

Один из иностранных гостей, побывав в России, дал описание того, как средневековые женщины достигали красоты. Он писал о том, что «русские боярыни раскрашивают всеми цветами не только лицо, но и глаза, шею, руки. Употребляют белую, красную, синюю, чёрную краску. Чёрные ресницы они окрашивают в белый цвет, белокурые – в чёрный или другой тёмный цвет. Они так искусно румянятся, что это бросается всем в глаза». Многих англичан при первом знакомстве с русскими женщинами шокировала манера «москвиток» накладывать грим. Контрастный и броский макияж казался иностранцам свидетельством невоспитанности. Не случайно один путешественник уподобил московских княгинь жёнам мельников, «потому что они выглядят, как будто около их лиц выколачивали мешки муки». На какие только изощрения не шли женщины, чтобы быть красивыми! Русские купчихи для изменения своей внешности, стараясь быть более привлекательными, красили зубы в чёрный цвет, так как женщины с такими зубами считались идеалом красоты.

Дородность в средневековье была идеалом красоты, поэтому приходилось употреблять все усилия, чтобы достичь заметных результатов, достигая этого посредством праздности и усердного питания. С приближением эпохи романтизма мода на здоровье кончается. Идеалом женской красоты стало «существо слабое и болезненное».

В одном из номеров журнала «Праздное время, в пользу употреблённое», который выходил в Петербурге в 1759- 1760 годах, было напечатано «Письмо одной красавицы», в нравоучительно-поучительном тоне повествующее о том, как старательно и последовательно её превращали в красавицу с детства. Приведём отрывок из него: «Мать моя, будучи лицу своему обязана всем своим счастьем, никакое зло таким великим не считала, как гнусность вида. Её материнская любовь упражнялась беспрестанно в изобретении способов, как бы сохранить мои приятности и придать им новое сияние. От шитья меня уволили, опасаясь, чтобы я голову вниз держать не привыкла или бы иглою палец не повредила; книгу у меня из рук вырывала, потому что у нас в соседстве девушка от чтения глаза свои испортила; ходить иногда не велела, чтоб как-нибудь ноги не вывихнула. В вечеру от головы до ног прилежно меня осматривала, и отмечала, не уменьшилась ли в чём-нибудь моя красота. Нежные руки мои никогда из перчаток не выходили... Будили меня весьма рано, потому что от утреннего воздуха румянец на щеках бывает живее и приятнее; одевали с крайней осторожностью за занавесом, чтоб восходящее солнце прелестей моих не убавило». Письмо молодой девушки XVIII века свидетельствует о том, какое важное значение придавалось женской красоте.

Как известно из летописных источников, решающим фактором принятия христианства на Руси, решающим доказательством истинности веры русские послы сочли именно КРАСОТУ. «Не знаем, на небе ли мы были или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты, и мы не знаем, как рассказать об этом; только знаем, что там Бог с человеком пребывает, и Богослужение их лучше, чем во всех странах. Мы не можем забыть красоты той», - рассказывали посланцы Владимиру о своём посещении Софийского собора Константинополя. Всем хорошо известное высказывание русского классика-философа Ф.М.Достоевского: «Красота спасёт мир», - неоднократно перефразировали: «Женщина спасёт

мир». Не будем утверждать, что подобное высказывание абсолютно непогрешимо, но абсолютно убеждены в том, что между понятиями «КРАСОТА» и «ЖЕНЩИНА» можно поставить знак равенства.

Рядом с феноменом «КРАСОТА», которое несёт эмоциональное, эстетическое дионисийское наполнение (качества, как уже не раз было отмечено, несущие женскую атрибутику), в один ряд можно поставить такие понятия, как «МУЗЫКА», «ПОЭЗИЯ», «ЛИРИКА», взаимосвязанные, взаимодополняющие друг друга. Идентифицирующим для них будет являться - КРАСОТА. В опрелённой степени подтверждением этого умозаключения является высказывание Ф.Ницше, который считал, что «лирика столь же зависима от духа музыки, сколько сама музыка в своей полнейшей неограниченности не нуждается в образе и понятии».

Казалось бы, достаточно абстрактное (по отношению к женскому лику) слово НИТЬ, на наш взгляд, тоже несёт женское начало. Известно, что у древних славян основным женским занятием было прядение (помимо воспитания детей, приготовления пищи, работы в поле). Даже пуповину новорожденной девочки старались перерезать на веретене, чтобы уже с первых минут привязать её к будущему занятию. В дальнейшем, когда пяти-семилетних детей стали приучать к домашним работам, девочка выпрядала свою первую нить, что сопровождалось соответствующими обрядами. «Непряха» и «неткаха» считались крайне обидными прозвищами для девочек-подростков. По всей средневековой Европе прядение считалось «наиболее приличным» времяпрепровождением для знатных женщин. Прялка была неразлучной спутницей женщины. Славянские женщины умудрялись прясть даже на ходу, например, в дороге или присматривая за скотиной. А когда осенними или зимними вечерами молодёжь собиралась на посиделки, игры и танцы начинались лишь после того, когда иссякали принесённые из дому «уроки» (то есть рукоделие), чаще всего кудель, которую следовало спрясть. У восточных славян деревянные скульптуры Пятницы ставились на колодцах, ей приносили жертвы, бросая в колодец ткани, льняную кудель, выпряденные нити и овечью шерсть (название обряда - мокрида - непосредственно связано с основой, от которой образовалось имя Мокоши, соединяющее мотивы пряжи и влаги). По мнению наших предков, нить самого первого прядения была неприступным оберегом против порчи и сглаза.

Считалось, что прядильщица или ткачиха создаёт нить из комка волокна, определённым образом «организует пространство», заполняя пустое место тканью, а следовательно, участвует в сотворении мира. Многие древние народы делали хозяевами и хранителями судеб не Богов, а Богинь, сидящих за прялкой или ткацким станком. Согласно некоторым верованиям, Богини-предсказательницы судьбы (в Греции - мойры), являются дочерью Богини-покровительницы прядильщиц. О том, что у древних славян судьба была некогда вполне вещественной «нитью», свидетельствует до сих пор бытующее выражение «связать свою судьбу» с кем-то или чем-то. Параскеву Пятницу иначе называли льняницей (покровительницей пряжи и льна), «бабьей святой», занимающейся повоем. В день Пятницы женщинам запрещено пряхать и стирать (в особенности пряденое), а мужчины не пахали, чтобы не запылить Пятницу и не засорить ей глаза. По украинским поверьям, Пятница ходит исколотой иглами и изверченной веретёнами. Вплоть до XIX века на Украине сохранились обычаи «водить Пятницу» - женщину с распущенными волосами, потому что нечестивые женщины шьют и прядут не лён, а волосы недели, которые отождествлялись с Пятницей.

Нелёгкий повседневный труд, связанный с прядением поистине «космической» НИТИ, был для наших пра-прабабушек отнюдь не нудной обязанностью, с точки зрения современного человека, а своего рода священнодействием.

Размышляя над глубинным смыслом слова НИТЬ (внутренней формой: одно из сугубо лингвистических определений), невольно на ум приходит слово МАТЕРИЯ. Хочется думать, что изначально оно тоже несёт женские начала (интенции). Выстроим цепочку слов: МАТЬ, МАТЕРЬ. МАТЕРИК (нечто, дающее опору, питающее, вселяющее надежду и жизнь в безбрежном водном пространстве. Сравним: МАС - обширное пространство суши, омываемое морями и океанами), МАТЁРЫЙ (сильный, зрелый; по мнению исследователей, это слово образовалось невероятно давно и косвенно говорит о том, какое высокое положение занимала женщина в древности, особенно женщина-Мать).

МАТЕРИЯ (МАС) --

1. Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания.

2. Вещество, из которого состоят физические тела природы.

Попробуем на уровне бытового сознания переосмыслить эти словарные толкования. Объективной реальностью, вне нашего сознания и желания, является то, что мы все самыми кровными узлами связаны с матерью, которая произвела нас на свет; все мы как физические тела природы - частицы её вещества.

Слова ВЛАСТЬ, СИЛА, ВОЙНА, ВРАЖДА, ПОЛИТИКА, ИДЕЯ И прочие включают в себя начала сугубо мужские. Женщины от природы менее агрессивны, более склонны к сотрудничеству, более нежны и заботливы, более близки к природе, чем мужчины. Поскольку они рожают детей, всегда будут относиться к войне иначе, чем мужчины. Поскольку они слишком много сил тратят на воспитание детей, чтобы дать им жизнь, они не могут спокойно смотреть на гибель детей в войнах. «У войны неженское лицо», - сформулировала бесспорную истину современная писательница С.Алексиевич в одном из названий своей книги.

Большинство философов разделяют точку зрения по поводу того, что специфика мужского и женского начал осмысливается в категориях «власть» и «подчинение». По мнению Вас. Розанова, подчиняться «господину своему» есть для женщины «интимнейший и собственно даже единственный закон существа своего»; право мужчины - распоряжаться, «быть покровителем и вождем», а право женщины — «в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя». С.Н.Булгаков достаточно жестко и определенно в своей работе «Свет невечерний» подчеркивает: «Власть представляет собой обособившееся, утвердившееся в оторванности своей мужское начало, которому присуща стихия насилия: она умеет только покорять и повелевать, но не любит любить и сострадать. А соответственно и повиновение властителей, пассивное начало власти принимает черты столь же отвращенной женскости, угнетаемой и поработаемой».

Отношение господства и подчинения - одна из фундаментальных оппозиций в природе и социальной жизни общества. Большинство философов рассматривают ВЛАСТЬ как начало мужское, а повиновение - женское. С.Булгаков отмечает, что власть «сохраняет эротический порыв, и это ощущается в торжественные или критические моменты жизни народов (какова, например, война)... Разрыв мужского и женского начала, отличающей природу власти

и проявляющийся в ее жестком и насильническом характере, коренится в изначальном нарушении полового равновесия в человеке, а вовсе не связан с той или иной формой государственности...». Подобное понимание закона природы не является открытием философов серебряного века. Близкие к этому суждения уже звучали в высказываниях античных мыслителей. В частности, Аристотель отмечал: «Ведь властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны, и прямо от рождения некоторые существа различаются в том отношении, что одни как бы предназначены к подчинению, другие - к властвованию... Это общий закон природы, и, как таковому, ему подчинены одушевленные существа. Так и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая - ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении. Тот же самый принцип неизменно должен господствовать и во всём человечестве». О подобном «изначальном нарушении» достаточно убедительно говорят наши русские писатели, чья правда шла до читателя долгие годы: А.Платонов, Е.Замятин, Ю.Домбровский, А.Рыбаков, А.Приставкин, Вл.Дудинцев, Д.Гранин, Вл.Тендряков и многие другие, произведения которых относят к числу реанимированных, реабилитированных, возвращенных. Согласно высказываниям многих мыслителей, мужской принцип воплощен в государственной власти, государственном строительстве, законотворчестве как упорядочение жизни общества. Об этом, в частности, говорит Бердяев, считая, что в обществе, где народу не хватает мужественности, развиваются самодержавие и бюрократия. ВЛАСТЬ и СИЛА — это главные ценности вчерашнего и сегодняшнего мира, как бы нам ни хотелось считать по-другому. Именно поэтому считается, что мир, в котором мы живём, - это мир мужской. Женщине остаются лишь власть и сила слова. Возможно, поэтому сейчас появилось так много женщин-писательниц разного жанра литературы и женщин-художниц, и по-прежнему женщина слово своё несет на ниве просвещения. Слово произнесённое, слово написанное, слово изображённое - это та сфера власти слова, где женщина пытается сегодня себя реализовать как личность.

НАУКА тоже в основе своей понятие мужское, включающее в свое семантическое значение признаки, связанные с логикой, рационализмом, взвешенностью, все то, что исключает излишнюю

эмоциональность, неопределенность. Можно согласиться с высказыванием немецкой исследовательницы Лоренц Штейн, что «женщина, занятая целые дни за письменным столом, или судьейским, или на трибуне, может быть, вполне заслуживает уважения и очень полезна в обществе, но она перестает быть женщиной, потому что не может быть ни хорошей женой, ни матерью...».

Великий русский мыслитель, мастер художественного слова Л.Н.Толстой тоже не находил в НАУКЕ места женскому. Он писал: «Идеальная женщина будет та, которая, усвоив высшее мировоззрение того времени, в котором она живет, отдается своему женскому, непреодолимо вложенному в нее призванию, -- родит, выкормит и воспитает: наибольшее количество детей, способных работать для людей по усвоенному ей мирозерцанию. Для того же, чтобы усвоить себе высшее мирозерцание, мне кажется, нет надобности посещать курсы, а нужно только прочесть Евангелие и не закрывать глаз, ушей и, главное, сердца». Именно этому великому гению, «матерому человечеству» принадлежат слова: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды». В основу величия (величие - слово среднего рода, что указывает, на наш взгляд, на соотношение как с женскими, так и с мужскими началами, то есть в определённой степени на гармонию) знаток человеческих душ Л.Н.Толстой включает именно женские начала: ПРОСТОТА. ДОБРОТА. ПРАВДА.

Точку зрения Л.Штейн по поводу несовместимости женственности и чрезмерного увлечения наукой разделяет политик А.Лебедь (деятель отнюдь не женской сферы, личность достаточно одиозная), который говорит: «А что творится с судьями? Основной контингент... одинокие женщины. Кто ж при такой работе возьмет их замуж? Поэтому и приговоры бывают более чем странными». Близка к позиции А.Лебеда и оценка женщины, служительницы науки, другим отечественным политиком Александром Шохиним: «Мне нравятся домашние женщины, которые в семейном кругу очень естественны. Мне не нравятся женщины, которые дома ведут себя как на производстве». Не вдаваясь в подробности их политической деятельности, над подобными высказываниями об основной сфере женщины с точки зрения ведущих общественных деятелей, следует, наверное, задуматься.

Как бы в оппозиции подобным высказываниям звучат художественные тексты Александры Марининой, которые, как отмечает пресса, занимают особое место в «потоке детективной литературы, откликнувшейся на волну преступности, которая захлестнула Россию». В своих произведениях кандидат юридических наук с многолетним стажем работы в органах внутренних дел, «страстный публицист» Ал.Маринина представляет главной героиней Анастасию Каменскую, сотрудницу уголовного розыска, обладающую феноменальными мужскими аналитическими способностями, и в то же по-женски постоянно испытывающей неуверенность в себе, в своих способностях. Однако именно ей, как подчёркивает автор, удаётся благодаря своему женскому чутью и необычайной мужской логике распутывать самые замысловатые, просчитанные по всем правилам мужской логики, преступления. Писательница очень тонко и умело показывает, как гармония мужских и женских начал помогает ведущим героям ее книг (Каменской и Колобку, Виктору Алексеичу Гордееву, человеку, лишённому какого бы то ни было солдафонства) выпутаться из, казалось бы, самых невероятных обстоятельств.

Если обратиться к высказываниям русских философов по вопросу: женщина в науке, то у Розанова можно прочитать: «Чем менее “мужеподобна” женщина, тем она самочнее, чем менее “женоподобен” мужчина - тем наиболее он самец». Под самочностью философ понимает женственность. Совершенно отвергая роль женщины - «пифагора в юбке», «синего чулка», Розанов о них писал с полнейшим пренебрежением: «Голос страшно груб, манеры “полумужские”... Волосы растут дурно, некрасивы, и она их стрижет: коса не заплетается; нет девицы, а какой-то парень. Где здесь вечная женственность? Ходит на митинги, спорит, ругается... “Синий чулок” с примесью политики, или политики с претензиями на начитанность. “Избави Бог такую взять в жены”: и их инстинктивно не берут».

Подобные высказывания свидетельствуют о том, что в целом НАУКА и все формы ее проявления - дело мужское. Во все времена интеллектуальная сторона общества воспринимается как мужское начало формы, идеи, ума, рационализма, логоса. Если понятие «наука» включает мужские интенции, то ФИЛОСОФИЯ применительно к русской ментальности несёт женские ипостаси. По-

добный вывод нетрудно сделать, опираясь на философские трактаты отечественных мыслителей, помня о том, что русская философия, в отличие от западноевропейской, в сущности вышла из недр русской художественной литературы. Русская философия - это «философия сердца». Русская идея - это, по выражению И.А.Ильина, «идея сердца». Значительное место этой особенности русской философии уделено в творчестве Г.С.Сковороды, И.А.Ильина, С.Л.Франка. К «философии сердца» обращался на протяжении всего своего творчества и Б.П. Вышеславцев.

Неочерченность русской литературы, как и русской философии, жёсткими тематическими и жанровыми рамками отмечают многие исследователи. Бердяев, например, неоднократно подчёркивал, что в русской литературе всегда есть жажда выхода за пределы искусства, она - «бессистемная философия», такого уникального синтеза философии и литературы не знала мировая литература. Русская философия - это не кабинетная, умозрительная, оторванная от реалий жизни логизированная наука. Ей свойственно и «плакать, и смеяться, и понимать». Ей не чужда мечта и о «хрустальном дворце», и о «царстве божьем», и «содомское», и «мадоннское», то есть все то, то отличает женские начала.

Русская философия, в отличие от западной, во многом наполнена женскими интенциями. Это и «философия сердца», и союза «правды-истины» и «правды-справедливости». О союзе «правды-истины» и «правды-справедливости» пишут все, кто касается сущностных особенностей русской философской мысли. «Своеобразие русского типа мышления также в том, что оно изначально основывается на интуиции», - пишет С.Л.Франк. Интуитивный способ познания, как уже не раз отмечено, свойственен женщине. Мысль о «всеедином добре», принадлежащая русскому философу Вл.Соловьёву, как идея устройства человека и человеческого, тоже несёт женское начало. Несмотря на разность подходов и оценок в освещении вопросов, связанных с природой человека, в русской философии достаточно отчетливо слышен женский голос. Женское начало проходит лейтмотивом через всю отечественную философскую мысль. Философы П.Флоренский, В.Эрн видели спасение мира в преодолении излишнего западно-мужского рационализма, волевого начала, мечтая соединить его с женским, основанном на всеохватной любви ко всему человечеству. Достаточно подроб-

но о своеобразии русской философии, систематизируя и обобщая взгляды отечественных мыслителей разного времени, говорит во многих своих работах Б.В.Емельянов, в частности в «Этюдах о русской философии».

По мнению многих философов, в понятия «ГОРДЫНЯ», «ГОРДОСТЬ» тоже включается мужское начало. О том, что гордыня ассоциируется с мужественностью, говорят В.И.Иванов, В.Г.Эрн, С.Н.Булгаков. В их работах неоднократно высказывалась мысль о мужественности Люцифера - существа, олицетворяющего гордыню. В качестве антонимичных этому концепту, воплощающих женское начало, воспринимаются понятия «ЖЕРТВЕННОСТЬ», «ПОКОРНОСТЬ», «ПРЕДАННОСТЬ».

Таким образом, в понятиях женского рода не всегда содержатся женские начала: в женском может быть и женское, в женском нередко содержится и мужское.

Человек-машина. У механизированного человека есть свои идеологи. Филиппо Томазо Маринетти в 1909 г. создал Первый «Футуристический манифест», в котором говорится: «Вне борьбы нет красоты. Без агрессивного характера нет шедевров... Время и пространство умерли вчера. Мы живём теперь в абсолютном мире, потому что создали вездесущую скорость... Мы будем славить войну - единственную гигиену мира, славить милитаризм, патриотизм, разрушительные деяния тех, кто несёт свободу, славить красивые идеи, ради которых стоит умирать и презирать женщин... Будем славить огромные толпы, одушевлённые трудом, развлечением, бунтом; будем славить многоцветные потоки революций в современных столицах».

Если говорить о воплощении речевых практик в литературе, то, на наш взгляд, дифференциация по полу достаточно заметна в любой форме письменной речи. Как бы ни спорили сторонники или оппоненты тезиса: существует ли мужская и женская литература, совершенно однозначно можно сказать, что - существует. Разница сказывается и в синтаксических конструкциях, и в стилистике, и в лексическом подборе, и даже в морфемике. Женщины чаще говорят от первого лица, мужчины предпочитают безличную форму. Они точнее используют глаголы, женщины - прилагательные. Женщины чаще употребляют условные предложения, вносят больше поправок и оговорок, задают больше

вопросов. Мужчины более лаконично излагают свои мысли; они пасуют, когда приходится описывать чувства, но, как правило, лучше пересказывают события. Но это направление — предмет особого размышления и подробно на этом мы не намерены останавливаться. По этой теме вышло уже определённое число публикаций как зарубежных, так и отечественных, однако эта проблема ждёт ещё своих исследователей.

Если обратиться к фольклору, в частности к пословицам и поговоркам, рассматривая женское и женщину в русской речевой практике, то среди них можно обнаружить множество, отражающих подобную тематику. Среди них можно найти те, в которых даются характерологические особенности женского, как с точки зрения внешнего вида («Кто имеет жену красивую и лошадь хорошую - всегда не без мысли бывает»), так и внутреннего содержания («Личико беленько, да разуму маленько», «Бабий ум - бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца»); предлагаются формы взаимоотношений мужа и жены («Любить жену -- держать в грозе», «Кто жену не бьёт, тот и мил не живёт»); даётся вполне определённый набор возможностей русской бабы («Бабы дорога - от дома до порога»). Однако, как показала жизненная практика, горизонты русской женщины благодаря её героическим усилиям в ходе исторического развития достаточно расширились.

Логос, язык, речь несут на себе отпечаток всего, что происходит в природе и обществе. Можно с уверенностью сказать, что слова ПРИРОДА, ЗЕМЛЯ, ЛЮБОВЬ, ЖИЗНЬ, ВЕРА, КРАСОТА, НЕЖНОСТЬ, БЕРЕЗА, ЛАСТОЧКА, ОТЗЫВЧИВОСТЬ, ДОРОГА, ВОДА, ЛИРИКА, МУЗЫКА, ПЕСНЯ и многие другие в русском языке несут поистине женское начало.

В заключение хотелось бы процитировать стихотворение, родившееся в процессе работы над этим очерком, которое, как кажется, послужит своеобразным обобщением сказанного.

*ЛЮБОВЬ, НАДЕЖДА, ЖИЗНЬ, СВОБОДА -
ПРИРОДЫ вечные слова.
Мы их не произносим громко,
Но как кружится голова,
Когда порою вспоминаем
Их тайный смысл в слиянии букв.*

С волнением память напрягаем,
 В страницы прошлого взглянув.
 За каждым словом - знак, значение,
 Сугубо личный, важный, свой.
 И не поймёт души томленья -
 Никто иной, никто другой.
 Но рядом с этими словами -
 ОБИДА, ГОРЕЧЬ, ЗАВИСТЬ, ЗЛОСТЬ
 Мы с болью их воспринимаем,
 И не хотим, чтобы сбылось.
 Из тех тревожащих сомнений,
 Что душу, словно раны, жгут.
 И ищем в чём-нибудь спасенье,
 Ослабив узы тесных пут.
 Но, к сожаленью, так непросто
 Смысл горький слов тех пережить.
 И ненадолго удаётся
 Их силу боли притупить.
 Но ЖИЗНЬ идёт...В ней БОЛЬ и ВЕРА,
 РАЗЛУКА, ВСТРЕЧА, РАДОСТЬ, ГРУСТЬ.
 И пусть не всё нас в буднях греет,
 Но всё же это РАДОСТЬ - ЖИЗНЬ.

Очерк пятый

Россия – женщина

Е позиции «женского», «женщины» небезынтересно рассмотреть российскую ментальность, поскольку в каждой культуре существует своя гендерная картина мира. Все вещи и явления, включая социальные процессы, исторические события, общественные группы, нации и народы, соотносятся с мужскими и женскими началами. Тот или иной народ наделен мужественными и женственными характеристиками. Восприятие того или иного народа с гендерных позиций встречается у многих мыслителей. В.В. Розанов, например, высказывает мысль о женственности еврейского народа: «Бабыя натура евреев - моя *idée fixe*». Используя определения «женское» и «мужское», Ницше оценивает роль народов в творческом процессе. Он говорит о том, что есть народы оплодотворяющие, властолюбивые - мужские (немцы) и вынашивающие, завершающие - женские (французы). В.И.Иванов подчеркивает женственность славянских народов, противопоставляя им, носителям дионисийского начала, германские народы как воплощение аполлоновского начала.

Об особенностях русской души написано множество самых разнообразных работ художественного и научно-публицистического плана, сугубо философских и социально-политических. Опубликовано немало разнообразных высказываний, воспоминаний, оценок, касающихся нашего народа, его образа жизни, привычек, особенностей характера, душевных свойств русского народа со стороны природных, социальных и духовных факторов. Только за последние годы издано немало исследований подобной направленности, в частности «О русском национальном характере»

К.Касьяновой, «Душа русского народа» В.К.Трофимова. Интерес представляет книга, изданная в 1999 году, - «Россия - это сама жизнь: свидетельства иностранных путешественников, дипломатов, политиков, мыслителей о нашей Родине». «Эта книга о России интересна тем, что у неё коллективный автор. Их более двухсот, людей, живших в разные времена и в разных странах, давно умерших и ныне здравствующих, знаменитых и почти неизвестных, наделённых самыми различными дарованиями, какими может обладать человек», - читаем в предисловии к этой книге. О России с точки зрения гендерной проблематики имеется много публикаций О.В.Рябова. В недавно изданной им книге «Русская философия женственности (XI - XX века)» «особое внимание уделено выявлению взаимовлияния философии женственности и русского национального самосознания» (как отмечено в аннотации).

Долгое время велись и, видимо, ещё долго будут вестись споры славянофилов и западников о «загадочной русской душе», об истоках этой души.

С точки зрения большинства мыслителей, РОССИЯ – понятие женское, с ее постоянной саморефлексией, неопределенностью, соборностью, непостоянством позиций, терпением, покорностью, непредсказуемым бунтарством, стихийностью, недюжинной выносливостью, неизбывной самоотверженностью. Некоторые особенности русской ментальности, её женские начала сформулировал советский поэт 70-х годов Виктор Боков:

Откуда начинается Россия?

.....

Россия начинается с пристрастия

К труду,

К терпению,

К правде,

К доброте

Многие зарубежные исследователи утверждают, что в основе образа мышления человека Запада лежат мужские начала; в основе психологии и мировосприятия человека Востока - женские.

В романе «Подросток» Ф. Достоевского немец Крафт вычислил математически, что «русский народ есть народ второстепенный, которому предназначено послужить материалом для более благородного племени, а не иметь самостоятельной роли в судьбах человечества». Подобные рассуждения, как известно, звучат и в отношении мужчины и женщины, отдавая лавры первенства мужчинам. Думается, автор романа вряд ли разделял точку зрения своего героя, как не разделяем ее и мы.

Русские философы Н.Бердяев, Н.Лосский, В.Розанов тоже были убеждены, что в основании русской нации лежат женские начала, хотя у них были и оппоненты из числа отечественных мыслителей. Например, Н.А.Бердяев в России видит страну крайностей, в отличие от Запада, где преобладают культ меры, «золотой середины», аполлоновское начало. «Русский дух не знает середины: либо все, либо ничего - вот его девиз», — пишет философ. Пример подобного максимализма русскому человеку хорошо знаком с детства, со сказок А.С.Пушкина, в частности «Сказки о рыбаке и рыбке», где несчастная и неуёмная в своих желаниях старуха, желая и имея всё, в итоге лишилась всего, оставшись у разбитого корыта. Бердяев один из тех философов, который на протяжении всей своей творческой биографии обращался к проблеме женственности России. Несмотря на то, что его взгляды претерпевали изменения, он в то же время всегда видел в России женские начала как основополагающие, хотя считал, что женственный элемент присутствует в каждом народе. Во Франции, в Англии, в Германии, у всех народов Запада «... на известной ступени развития в национально своеобразной форме пробуждался мужественный дух изнутри, органически оформляя народную стихию». В России же, по мнению философа, этого не произошло. Поэтому «в русском народе нарушено должное соотношение между мужским и женским началом». «Русская земля все оставалась женственной, все невестилась, все ждала жениха со стороны». С точки зрения Бердяева, женственность России обусловили ряд факторов. Среди них - женственность славян, особый характер русской религиозности, в которой «какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства» (хлыстовская стихия - «страстная и сладострастная»). Отсутствие рыцарского духа - еще один фактор, на который указывает философ. «В русской

истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести». Бердяев это считает «самым опасным недостатком русских <...> все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западно-европейским, французским или немецким или греческим в старину. <...> Россия ... страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисийстве, не желающая знать формы», но в то же время смирение и покорность, по мнению мыслителя, неотъемлемые свойства русской природы. Женственность русского народа Бердяев усматривает в его готовности безоглядно подчиняться власти, о чем он говорит в ряде работ (подчинение чужой воле, как было отмечено ранее, по мнению русских мыслителей, исконно женское качество). В статье «О вечно бабьем в русской душе» «бабье» философ рифмуется с «рабьим».

В.Ф.Эрн с гневным отрицанием отнесся к статье Бердяева «О вечно бабьем в русской душе», изложив свое возмущение в работе «Полет Валькирий». Он пишет: «В то время как русская душа в титанической борьбе... являет один за другим величайшие подвиги беззаветного мужества и развертывает в ослепительном напряжении светлую мощь и сталь солнечного духа своего, - в это время Бердяев вдруг находит уместным говорить о «вечно бабьем в русской душе». Не согласен с категоричностью Бердяева и Лосский (хотя у Бердяева можно встретить отдельные высказывания о мужественном лике России). «Говорят иногда, что у русского народа - женственная природа. Это неверно: русский народ, особенно великорусская ветвь его, народ, создавший в суровых исторических условиях великое государство, в высшей степени мужественен; но в нем особенно примечательно сочетание мужественной природы с женственной мягкостью». Подобная мужественность и «светлая» или какого-либо другого оттенка мощь отнюдь не противоречит женской натуре. Достаточно вспомнить или представить, с какой самоотверженностью встает на защиту своего ребёнка (дителя) любая МАТЬ, или же (на ум почти каждого, знакомого со школьной отечественной общеобразовательной программой по литературе, приходят высказывания классика) о способности женщины останавливать на ходу быстроходное животное и входить в пылающий объект.

Мысль о женской непредсказуемости и противоречивости российской сути достаточно отчётливо звучит и во многих художественных произведениях. В русской литературе эту мысль можно обнаружить как в поэтических, так и в прозаических текстах. М.Ю.Лермонтов, говоря о «странной любви» к Родине, называет её и «страной рабов», и «страной господ»; Н.А.Некрасов, «певец народной жизни», поэтизирует Русь как «убогую и обильную», «забитую и всесильную».

И.Северянин в одном из своих стихотворений совершенно однозначно говорит о женской двойственности «своей Отчизны» и русской души в частности:

*Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну - мать свою.
Бывают дни: её нет ближе,
Всем существом её пою.*

*Всё, всё в ней противоречиво,
Двулико, двуедино в ней.*

.....
.....

*Я - русский сам, и что я знаю?
Я падаю, я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я - выпитая Русь!*

А.М.Ремизов в повести «Крестовые сестры» тоже с достаточной очевидностью несёт идею о двух сторонах России. С одной стороны, это образ святой Руси, с другой, - это клетка с обезьянами. Герой повести Маракулин, ищущий, как и многие герои А.Платонова, «вещество жизни», мечется и между «Святой Русью», и клеткой с обезьянами. Об этой стороне русской души говорит и другой писатель XX века И.Бунин, который, как и Ремизов, резко отрицательно относился к революции, видя в ней болезнь, поразившую целую нацию и проявившую худшие её худшие черты.

«Есть два типа в народе. В одном преобладает Русь, в другом - Чудь, Меря». Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из дерева, - и дубина, и икона, - в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачёв». Развивая мысль Ф.М.Достоевского о двух началах женской души, «содомского» и «святого», Арс.Гулыга, известный историк, философ, литературовед, в своей книге «Искусство истории» отмечает, что для русского человека характерна сделка с совестью: сначала грешить, как Иван Грозный, потом каяться. Говоря о «вечно бабьей» натуре русской, Бердяев в своих работах о «загадочной» русской душе, как и многие другие мыслители и исследователи сущности русского характера, неоднократно подчёркивал двойственность русской души, поляризованность природы русского человека: с одной стороны, смирение, с другой - бунт, вызванный жалостью и взывающий к справедливости; с одной стороны - сострадательность, жалостливость, с другой -- жестокость; с одной стороны - любовь к свободе, с другой - склонность к повиновению, покорности. «Союз ума и фурий», «мадоннские» и «содомские» начала - феномен российской ментальности. Два начала, женственное и мужественное, видит в русской душе и В.И.Иванов. Он считает, что в русской душе есть не только «женственно-благуханная нежность», но и «мужественная царственность».

Многие философы, говоря о женственности русской души, отмечают, что везде на месте западного принципа единоличности обнаруживается русский принцип артельности, соборности, множества.

С точки зрения Н.А.Бердяева, «русская интеллигенция, в сущности, всегда была женственна: способная на героические подвиги, на отдание своей жизни, но никогда не способная на мужественную активность, никогда не имела внутреннего упора, она отдавалась стихии, не была носителем Логоса». Он усматривает в русской интеллигенции слабость воли, пассивность, господство чувства над мыслью. Для выражения сущности русской земли Бердяев использует образ Вечной Женственности, ожидающей жениха. В связи с этим другой русский философ, С.Н.Булгаков, обращается к отечественной интеллигенции со словами: «Будьте мужами».

Идею безропотности и терпеливости русской души, соотносимой с устойчивыми представлениями о женской христианской сути, несет и одно из стихотворений Ф.И.Тютчева, поэта, чье творчество наполнено стремлением философски осмыслить жизнь, понять её наиболее общие законы бытия:

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, -
Любуясь ими - и молчи...*

Подобный взгляд на русского человека разделяют не все. В частности, В.И.Иванов считает, что хотя это свойство в русском характере и присутствует, но «существенно» его нельзя обнаружить.

О «таинственной русской» душе, о «русской загадке» размышляли и отечественные и «заморские» авторы, которые далеко не одинаково относились к России. А «тайна = женское», как уже было отмечено в предыдущем очерке. Во многих работах Н.А.Бердяева («Судьба России», «Русская идея», «Философия неравенства» и других) эта мысль звучит достаточно отчетливо. Ему принадлежит такое высказывание: «Для нас самих Россия является неразгаданной тайной. Россия - противоречива, антинормична. Душа России не покрывается никакими доктринами».

О загадочной русской душе сказано много как учеными, так и поэтами. И снова в памяти возникают каждому школьнику знакомые строчки Ф.И.Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить —
У ней особенная стать,
В Россию надо только верить.*

Подобный же образ таинственной, непредсказуемой, но в то же время прекрасной России создается Блоком в стихотворении «Русь»:

*Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне почивает Русь,
Она и в снах необычайна,
Её одежды не коснусь.*

В своей поэме «Скифы» А.Блок обозначил таинственность и загадочность России ёмкой и образно-характерологической метафорой «Россия-Сфинкс». Женственная загадочность России прежде всего связана с её противоречивостью, непредсказуемостью, неоднозначностью, что отмечается как многими отечественными, так и зарубежными мыслителями. «Расплывчатая душевность», «недостаток формы и предела» отмечает Н.Бердяев; «космос хаоса» - характеристика Г.Гачева. У А.Белого Россия представлена в образе Спящей Красавицы и одновременно Мировой Души. Эту особенность русской души, вольно или невольно, выделяет почти каждый русский человек. Достаточно вспомнить слова известной всем нашим соотечественникам песни долгие годы не сходящей с эстрады и редко когда не исполняемой по радио:

*Я люблю тебя Россия, дорогая моя Русь,
Нерастроченная сила, неразгаданная грусть*
.....

Ты веками не понятна чужеземным мудрецам.

Эта неоформленность своих действий, поступков, принципов, мировоззренческих взглядов и убеждений, иначе (мягче) говоря, «пластичность», - характерная особенность русской нации. Неприятие русскими «формы» как проявление чего-то устойчивого, зафиксированного, завершено нередко ставит европейцев, привыкших к порядку, системе, определенности, устойчивости, в тупик. Эту особенность русского характера можно обнаружить в одной из колоритнейших фигур серебряного века, поэта М.Волошина. Волошинский принцип по отношению к периоду русского лихолетья в начале века, когда надо было четко определиться: по какую ты сторону баррикады, очень показателен для русского человека: «А я стою один меж них в ревущем пламени и дыме и всеми силами своими молюсь за тех и за других». В своем доме

в Коктебеле этот поистине «богатырь святорусский» с окладистой бородой в страшное время братоубийственной войны прятал от смерти то красных, то белых, смотря по тому, чьё «тысячелетие было на дворе». Отнюдь не конформизм видится в подобном подходе, а способность на сочувствие и сострадание к человеку вообще.

Подобное полярное сочетание этих противоположностей в характере русского человека, «веками непонятное чужеземным мудрецам», чрезвычайно наглядно показано в фильме Мережко «Трын-трава». У Ю.Полякова есть повесть с близким этому фильму названием - «Апофигей». И художественный фильм, и художественная повесть дают реальное представление (названия уже говорят сами за себя) об особенностях жизненных позиций русского человека: всегда надеяться на «авось» и способность руководствоваться в своих поступках и действиях в основном безудержными эмоциями. Примеров из области временных и пространственно-временных видов искусства, подтверждающих эту особенность русского характера, можно привести бесконечное множество.

В русской литературе Россия, Родина, тоже всегда ассоциируется с женскими образами, что свидетельствует о высокой оценке женственности в русской системе ценностей. У Н.В.Гоголя с - «Птицей Тройкой», у А.А.Блока восприятие родины всегда было особенным, обостренно-личностным. Он отходит от традиционного образа России-матери. В его стихах предстает совершенно неожиданный образ России - жены, возлюбленной, невесты: «О Русь моя! Жена моя!». В стихотворении «Новая Америка» Россия названа «невестой». Бердяев полагает, что именно таким должно быть отношение человека к Родине: «Образ родной земли не есть только образ матери, это также образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим началом...». В противном случае и народ в целом, и отдельный человек чувствуют себя ребенком, излишне полагаются на заступничество родины-матери и снимают ответственность с себя. Через всю русскую литературу проступает женская душа, с ее непреодолимым желанием взять на себя тяготы другого, мыслью, трудом, самую жизнь своей облегчить судьбу другого, общую человеческую судьбу.

В трактовке тяжёлой, безрадостной судьбы родины, так схожей с судьбой русской женщины, Блок идёт вслед за Некрасовым. Образы крестьянки и самой России у Блока как бы сливаются воедино: «И вдали, вдали призывно машет // Твой узорный, твой цветной рукав» («Осенняя воля»), или «А ты всё та же - лес, да поле, // Да плат узорный до бровей...» («Россия»).

С точки зрения Федотова, в русской культуре «Деметра была выражена сильнее, чем Афродита». «Деметрический» архетип («матери», несущей начало рождения, вскармливания) имеет большую ценность, чем «афродический» («любовницы»).

Революционные процессы в России, несущие стихийное, неуправляемое начало, многими философами воспринимаются как проявление женской ипостаси. Вас. Розанов, например, пишет: «В революции русская баба пошла на мужика... Баба-революция пошла на мужика-государство». Розанов подчеркивает в революции такие качества, как стихийность, анархизм, безрасудство, мечтательность. «Вся статья бабья. Ничего мужичьего». В то же время философ говорит о том, что «тут в одной куче с пошлостью кроется и много прекрасного, трогательного, есть мучительно-острые звуки, есть мучительно прекрасные краски». Следует отметить, что Вас. Розанов в женственности видел преимущество России. «Муж есть глава дома... Но хозяйкой его бывает жена». В женской уступчивости и мягкости он видит силу. О женском начале Революции в России говорят не только философы, но и критики. В частности, один из исследователей творчества В.В.Маяковского Вл. Турбин в одной из своих работ достаточно образно отмечает: «Революция поступила с Маяковским, как сластолюбивая египетская царица Клеопатра со своими любовниками... Полюбила – убила... Но, пожалуй, дама, правившая нашей страной, превзошла к самое Клеопатру». Правда, сам Маяковский говорит о женском начале Революции с несколько иных позиций:

*Революция — имя собственное
моя
большая мама -
республика моя.
У нас большой папаша —
стальной рабочий класс.*

Русский философ В.И.Иванов по отношению к России использует метафоры: «...обретение невесты, высвобождение сокровенной реальности из плена окутавших ее чар», что есть «всегдашний и коренной мотив мужеского действия».

Россия - Москва... Эти понятия неразрывно связаны. Как нам кажется, это сугубо женские ипостаси. По мнению Г.П.Федотова, Петербург - «это немецкое пятно на русской карте». Этот город «вобрал в себя всё мужское, всё разумно-сознательное, всё гордое и насильственное в душе России. Вне его осталась Русь, Москва, деревня, многострадальная земля, жена и мать».

С МОСКВОЙ, как и с РОССИЕЙ, связаны такие понятия, как «ЗЕМЛЯ», «РОДИНА», «ЛЮБОВЬ», «НАДЕЖДА»... С понятием «МОСКВА» русский человек связан сыновними отношениями. «Москва! Москва! Люблю тебя, как сын», - с гордостью восклицает известный русский поэт чрезвычайно трагической судьбы М.Ю.Лермонтов. В русской литературе мы найдём много строк, подтверждающих эту мысль. «Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нём отозвалось!» — писал А.С.Пушкин. Если обратиться к далёкому прошлому, то вспоминается образ женщины, присевшей у дороги и окружённой дикими зверями. Таким представлялось положение Руси Московской Максимом Греком (философом, богословом, публицистом, филологом XVI века) в одном из его сочинений,

Москва не имеет ничего общего с жутковатым образом, нарисованным некогда бельгийским поэтом-урбанистом Эмилем Верхарном: «То город-осьминог, спрут пламенный, со щупальцами жадный, костяк торжественно громадный». Москва, как женщина, всегда красива и нарядна, чрезвычайно эмоциональна, постоянно одержима желанием нравиться и в то же время неуступчива и непредсказуема.

По мнению Е.Осетрова, одного из исследователей культуры Древней Руси, Москвы в частности, Москва - это «многоотменная эпопея, река жизни, бесконечный мир, не имеющий границ», то есть все то, что свойственно женскому началу. Ему же принадлежат слова: «Свою столицу - раскидистую, размашистую, широкую, с её нескончаемой сутолокой больших улиц - мы любим все. Любим её строгость и её доброе материнское сердце». Не случайно постоянно образ Москвы, сердца России, связан с женской

символикой: в период белокаменного строительства в середине XIV века, когда засияли белоснежные стены и башни Кремля, ее сравнивали с белым лебедем над Москвой-рекой. Позже Москва становится как «красная девица», включая в этот фольклорный образ множество ассоциаций, связанных с женским началом. Москва-красна, Красная ПЛОЩАДЬ — это, несомненно, сугубо женские атрибуты, как и близкие нам СТРАНА, РОДИНА, РОССИЯ, ОТЧИЗНА, ЗЕМЛЯ...

Обобщая размышления этого очерка по поводу того, что РОССИЯ - ЖЕНЩИНА, можно приводить бесконечное множество примеров из литературы самых разных жанров, объёмов, форм, принадлежностей к полу, национальностей, подтверждающих это положение (хотя многие часто высказывают и обратную точку зрения). Однако вряд ли можно убедить самыми ёмкими иллюстрациями кого-то из тех, кто считает по-другому. Это просто нужно почувствовать самому, как чувствует это автор настоящих очерков о ЖЕНСКИХ ЛИКАХ РОССИИ.

Россия - это страна, в которой возможно все. Это положение, представленное в разных интерпретациях, мы слышим, читаем и видим каждый день.